

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-267-276

УДК 821.16.1

АРХЕТИП МАТЕРИ В ПОЭЗИИ Н.А. КЛЮЕВА

Т.А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет (МПГУ)
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, 1/1

В статье рассматривается архетип матери в поэзии Клюева. Архетипическими вариантами образа матери являются мать-богиня, мать-земля, мать-родина, мать-мудрая старуха, которые в свою очередь имеют свои художественные аналоги. Образ мудрой старухи появляется у Клюева после смерти в 1913 году матери поэта, когда поэт начинает осмысливать ее роль в своей личной и творческой судьбе. В цикле «Избятные песни» образ матери приобретает сакральное значение. Она изображается как хранительница дома, как праведница, уподобляется Богородице, мать возвращается на землю «бесплотной гостьей». Еще один вариант образа матери, который восходит к мифологической Матери-Сырой земле, это «Мать-природа», «Матерь-Земля, бытия колыбель».

В статье прослеживается также развитие образов Матери-Руси, Родины-матери, Святой Руси, Великой Руси, феминные сравнения: невеста-Русь, Русь-краса-девица, Россия-теща.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, поэзия Клюева, мать-богиня, мать-земля, мать-родина, мать-мудрая старуха, Матерь-Русь, Святая Русь, Великая Россия

В творчестве Н.А. Клюева нашли воплощение крестьянское бытие, национальный менталитет, народное мифосознание. Сквозные образы, которые формируют модель поэтической вселенной Клюева, — констант русской культуры. Ключом к осмыслению картины мира «олонецкого ведуна» служит архетипический образ матери, истоком которого был миф о Матери-Земле, известный у большинства народов мира. Вслед за А.М. Большаковой литературный архетип понимается автором как «сквозная», «порождающая модель», которая имеет неизменное ценностно-смысловое ядро при способности к внешним изменениям [1. С. 171]. Еще Юнг указывал, что архетип имеет многообразные формы проявления [2]. Наиболее характерными архетипическими разновидностями материнского образа в творчестве Клюева являются мать-богиня, мать-земля, мать-родина, мать-мудрая старуха, которые в свою очередь имеют свои художественные аналоги.

В ранних стихах Клюева периода Первой русской революции образ женщины-матери еще не имеет архетипического значения и появляется в контексте социальных мотивов страдания народа, жертвенной борьбы за свободу:

С малолетства знакомые краски:
Пахарь — нищий, и дети и мать,
В тщетных писках хлеба и ласки
В города убегают страдать
(«Народное горе, 1905») [3. С. 81].

Мать предстает в облике «родимой старухи» («На часах», 1907), о которой гре-зит сын. «Материнская кручина» объясняется тем, что сын отправлен «в край изгнания и болот» («Темной ночью сердцу больно», 1907). В стихотворениях-песнях десятих годов «Бабья песня», «Плесая», «Ах вы, цветики, цветы лазоревы», «Я сторела молоденька без огня», «Ах, подруженьки-голубушки» женский образ связан с мотивом судьбы русской крестьянки.

В десятих годах образ женщины-матери в поэзии Клюева начинает приобретать символический смысл. В стихотворении «Певучей думой обуян» (1912) веретено в руках матери воспринимается как «судьбы веретено».

Образ матери, восходящий одновременно к юнговскому архетипу духа (мудрому старцу/ мудрой старухе) и мифологической Великой Матери-богини, наделенной чудесной силой, неким чудесным даром, появляется у Клюева, когда в 1913 году умирает мать поэта, и он начинает осмысливать роль «матушки-родительницы» в своей личной и творческой судьбе.

В лирическом стихотворении «Ноченька темная, жизнь подневольная» (1914), имеющем песенную основу, раскрываются личные переживания героя, связанные со смертью матери: «мается душенька»; «негде склонить сироте головы». В цикле «Избятные песни» с посвящением «Памяти матери» (1914—1918) ее образ уже сакрализуется, приобретает символическое значение. Мать выступает как хранительница духа дома, как праведница, святая, душа которой возносится в рай сразу после смерти. Мать «бесплотной гостьей» посещает дом, чтоб помочь его обитателям. Образ матери проецируется на образ Богородицы.

В автобиографической прозе «Гагарья судьбина» (1922) мать наделена необыкновенным даром *знать* день и час своей смерти, ее уход из жизни отмечен символическими знаками: «А как душе мамушкиной выйти, сходился вихрь на деревне: две тесины с нашей крыши вырвало и, как две ржаные соломины, унесло далеко на задворки; как бы гром прошел по избе» Святость матери доказывается вещими приметами и подчеркивается автором непосредственно: «Так умирают святые». Число два в вещи примете символизирует два несчастья: смерть мамушки и «великое сиротство» сына: «Я — сирота до гроба и живу в звонком напряжении: вот-вот заржет золотой конь у моего крыльца — гостинец Оттуда — мамушкин вестник» [4. С. 37].

Другая форма материнского архетипа, которая изначально присутствует в поэзии Клюева, «Мать-Сыра земля» и ее варианты: «мать-природа», «рать кормилица», «матерь-Земля, бытия колыбель». «Мать-природа» первый раз появляется у поэта в концептуальном стихотворении «Голос из народа», автор которого заявляет о себе как народном песнотворце [3. С. 125]. Природное бытие — это первооснова русской жизни в поэзии Клюева. Тема гибели природы под напором «злосмрадной» «железной» цивилизации станет одной из главных в творчестве Клюева 1920-х годов, причиной расхождения поэта с послереволюционной действительностью «Горыныч с запада ползет по горбылям железных вод» [3. С. 688].

Еще одна ипостась архетипического образа матери в поэзии Николая Клюева — Мать-Русь, Родина-мать. Концепт Родины — один из базовых ценностей культуры, отражением национальных архетипов и менталитета. Об этом писал еще Г.П. Федотов [5. С. 124—125]. Современные исследователи подчеркивают,

что семантический ареал Родины зависит от аксиологических приоритетов, характерных для каждой нации: *belle France*, Святая Русь [6. С. 73].

В самом прозванье нации
Есть связь прямая с главною чертой.
Так, Франция звалась прекрасной,
Старой и доброй Англия,
А Русь звалась святой [7. С. 33].

Известно, что «архетип Матери-Сырой-Земли, которая носит субстанциональный характер, порождает женские, в первую очередь материнские образы Родины в русском менталитете, вследствие чего метафорическое сопоставление Родины с матерью является традиционным» [8. С. 35]. Это характерно и для фольклора, и для русской литературы. «Женское» восприятие родины свойственно и Н. Клюеву.

Образ Родины возникает уже в первых стихах Клюева периода революции 1905—1908 годов в аспекте мотивов борьбы за свободу и пути к «чаемому Граду»: «Родина, кровью облитая», ее борцы — это «родины звезды лучистые», те, «кто ищет ко Свету пути», «к Материку желанной суши». Родина — это «бедная отчизна», «мать-отчизна», Россия, но, прежде всего, Русь. По частотности доминирует топоним Русь, который в поэзии Клюева символизирует крестьянское и христианское бытие в социальном, историческом и мистическом аспектах:

Стала озеро выспрашивать
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую, поддонную
Про святую Русь крещеную
(Обидин, плач, 1908) [3. С. 99].

Образ Руси сопровождается эпитетами, метафорами, олицетворениями: «*Наша Русь черна избой*» («В родном углу», 1914); «*Славься, Русь! Краса девица*» («Русь», 1914); «*Мать-Руссия*» («Небесный вратарь», 1915); «*Русь крещеная*» («Беседный наигрыш», 1915); «*...яблоня-песня <..> / На Руси, как вежа зеленела*» («Слезный плат», 1916); «*непомерная Русь*» («Молитва», 1916), «*Русь избяная*» («Земля и железо», 1916); «*избяная дремучая Русь*» («Поэту Сергею Есенину» (1916)); «*бездонная Русь*» («Шепчутся тени слепцы», 1916—1918).

Авторское отношение к Руси-родине — это любовь к «родному» и тоска, боль за ее социальную необустроенность, «глухую участь» «стороны нашей забытой». Родина — это «край тьмы и горя». Два стихотворения с одинаковым названием «Родное» были отправлены в письме к А. Блоку в июне 1910 года. В стихотворении 1911 года «К родине» («В морозной мгле, как око сычье») возникает отмеченная В.П. Гарниным переключка со стихотворениями А. Блока «Река раскинулась. Течет, грустит лениво»; «О, Русь моя! Жена моя!» из цикла «На поле Куликовом» (1908) и «Балаганчик» (1906) [9. С. 849]. Клюев, как и Блок, размышляет о «торных путях» Родины, ее духовной суги:

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?

Ряд феминных олицетворений — *старуха, жена, мать, женщина* — выстроен в соответствии с чередованием тематических мотивов — сомнения и уверенности в будущем родины: «Для песнотворческого духа // Ты полнозвучна и ясна», или: «Схимник бор читает Требник // Как над усопшею, тобой».

Но ты вовек неуязвима
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина любима
Семьей отверженных сынов [З. С. 138].

В мини-цикле Клюева «Александру Блоку» (1911) осенняя тоска как отражение русских духовных исканий находит свое воплощение в форме олицетворения: «О, кто Ты: Женщина? Россия?».

Топоним Россия в дореволюционной поэзии Клюева встречается достаточно редко. В «Родном» (1910) это «Рассеюшка», которую обошел вокруг паломник ко святым местам. В стихотворении «Ночь на Висле» (1915), воссоздающем трагическую судьбу народа на войне, Россия выступает как номинация государства, страны: «Спаси, Россию, Иисус!» [З. С. 254]. Первая мировая война обострила конфликт природы и «железной» европейской цивилизации в творчестве Клюева. В стихотворении «Осенние сумерки — шуба...» (1916) «желтый Китай и Россия» олицетворяют Восток в его противостоянии Западу — «Змее и Блуднице».

В годы революции образы России и Руси в клюевской поэзии становятся тождественными, синонимичными. Новокрестьянские поэты восприняли революцию в России как поход против Запада, как возвращение к природным основам национального бытия, исторической жизни Руси. Понимая революцию с «мужицким уклоном» как поход «за Землю, за Волю, за Хлеб трудовой», поэт создает образ «Богородицы нашей землицы», соединяя мифологическую Мать-Сыру Землю и христианский образ Девы Марии:

Богородица наша землица,
Вольный хлеб мужику уроди! [З.С. 352].

В «Красной песне» (1917) взаимодействуют два соположенных образных ряда — фольклорно-мифологический (*Жар-птица революции, народ-Святогор, Святогоров кафтан*) и библейский (*ризы Серафима, Спасово око, чаша с кровью, рай вожделенный*) как две составляющие Народного православия, объединенные образом Китежа:

Китеж-град, ладан Саровских сосен —
Вот наш рай, вожделенный, родной.

При этом доминирует мифологическое начало: «Ослепительней риз Серафима / Зоревой Святогоров кафтан»; «Блещет солнце — Господне окно». Но христианское не утрачивает своей сокровенной сути. Так, Мужичкий Спас рисуется как «лик пшеничный с брадой солнцевласой — / Воплощение любви и добра» [З. С. 353].

В известном стихотворении «Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь» (1917) республика как западная форма государственности противопоставлена Матери-Руси как сакральному символу, «потайной судьбы» народа, воплощению правед-

ности. Ее синонимом в тексте является «Китеж родной», ставший в начале XX века национальным архетипическим образом. При этом февраль 1917 года видится красной Пасхой, поэтому стихотворение заканчивается цитатой из Псалтыри, вошедшей в пасхальное богослужение (стихиры Пасхи):

Сей же день, его же сотвори, Господь,
Возрадуемся и возвеселимся в онь (Пс. 117: 24).

Противопоставление ума и сердца в стихотворении не доходит до конфликтного, скорее, подчеркиваются различные сферы бытия и разные формы его восприятия — внешняя установившаяся с Февральской революцией республиканская форма правления в России и внутренняя суть русской жизни, логическое ее осмысление и чувственное, сердечное переживание.

Среди архетипов-инвариантов, которые образуют основу образа Родины-матери, исследователи выделяют такие, как «Родина-Мать» или «Мать-Сыра-Земля», «Матушка-Русь» и «Святая Русь» [8. С. 35]. Этот ряд может быть дополнен еще одним архетипическим образом «Великая Русь» (синоним «Великая Россия»). Политико-географический термин, упоминавшийся уже в XII веке и обозначающий историческую территорию Северо-Восточной Руси в период собирания земель вокруг Москвы и становления империи, постепенно приобретает иную окраску, влияя на сознание русского человека, на формирование державного менталитета. Ключевой мотив единства обновленной мировой жизни, пространства «без берегов и дна» «нашего рая вожделенного» в творчестве Клюева первых пореволюционных лет накладывает отпечаток на образ России — «Руси великой» как всемирной матери народов:

Китай и Европа, и Север, и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг,
Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать.
Им Бог — восприемник, Россия же — мать [3. С. 364].

В новой России Н. Клюева продолжает жить «рублевская Русь» («Песнь Солценосца»). «Алконосная Россия» («Меня Распутиным назвали») — это ипостась Руси.

Устойчивый романтический образ молодости нового мира в поэзии первого послереволюционного десятилетия (вспомним В. Маяковского, «комсомольских» поэтов, романтиков «первого призыва») характерен и для Клюева: «невеста-Россия», «сестра невестная» как воплощение женской сути Родины-матери. Традиционные олицетворения родины — мать, невеста, «Русь в златоузорчатой парче» дополняются в поэзии Н.Клюева образом бабы-крестьянки, соответствующей крестьянской ментальности автора. В «Поддонном псалме» (1916) «родина моя земная, Русь буреприимная» выступает в облике домовитой крестьянки, «бабы-хозяйки», а новое Спасение мира от грязи «злосмрадной» буржуазной цивилизации связывается с «долгочаемым младенцем», крестьянским сыном:

Снова голубь Иорданский
Над землею воспарил
В зыбке липовой крестьянской
Сын спасенья опочил [3. С. 291].

Родина-Русь предстает и как «Россия — жена многочадная», и как «Русь-поморка» и как «Русь-белица»¹.

Тот образ Руси, который впервые прозвучал в «Обидином плаче» и на протяжении более 10-ти лет воссоздавался в поэзии Клюева через описание русской национальной жизни, ее природного бытия, ее избяной гармонии, в «Застольном сказе» (1917) получает прямое наименование через архетип: «Как у нас ли на Святой Руси». Вначале рисуется широкое пространство родины: «городища с пригородками, / Красны села со приселками», затем подчеркивается русская святость и красота гостей на званом пиру, у которых «речь орлиная смела и горяча», «сердце, русской удали жилье», все они «русской совестью светлей серебра»:

Русь нетленна, и погостские кресты —
Только вехи на дороге красоты [3. С. 357].

С помощью архетипических образов не только раскрываются константы национальной культуры, но и передаются особенности мировосприятия и языка, что наглядно представлено в поэтике Н.А. Клюева, ориентированной на фольклорно-мифологическую традицию (в частности, на жанр народной песни), которая питает оригинальный авторский стиль, сплав древнего и современного. Сам же поэт признается в невозможности «вместить Русь в «человечьи слова»: «Русь, как звезда», всегда смотрит в сердце («Молитва солнцу», 1917).

Образ революционной родины, «невесты-России», как и «Богородицы нашей землицы» сакрализуется через отождествление ее с Богородицею:

Революцию и Матерь света
В песнях возвеличим [3. С. 381].

Это трансформированный поэтом молитвенный возглас: «Богородицу и Матерь света в песнях возвеличим!», — который всегда поется перед 9-й песней канона на утренней службе, когда хор поет «Честнейшую Херувим».

Архетип Великой Матери как колыбели русского бытия, «мистерии избы», станет концептуальной основой сюжета поэмы Н. Клюева «Мать-суббота» (1922). А в незавершенной поэме «Песнь о Великой матери», которую поэт начал писать с конца 1920-х годов, будут явлены все клюевские формы материнского архетипа — мать-богиня, мать-земля, мать-родина-Русь, мать-мудрая старуха.

Уже в первые годы после революции, наряду с «Песнью Солценосца» в честь «Волюшки-матери, Божьей Земли Благодати» и другими стихотворениями, порой имеющими пропагандистский характер, в поэзии Клюева появляется мотив искажения лика родины: «На Божнице табаку осьмина» «В избе гармоника...». В сборнике «Медный кит» (1919) внутренним сюжетом служит переплетение мотивов разрушения, осквернения, превращения сакрального в профанное и созидания, творения нового, сакрализация не возвышенного, низового:

Всепетая Матерь сбежала с иконы,
Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать
И с псковскою Ольгой за желтые боны
Усатым мадьярам себя продавать [3. С. 394].

¹ Белица — женщина, живущая в монастыре, но еще не подстриженная в монашество.

Страшные приметы десакрализованного мира воспринимаются поэтом как временная неизбежность переплавки миров. Поэт призывает: «Глядите в глубинность!», «Вперяйтесь в глубинность!» Грядущая даль — это «новая Русь — совладелица Ада / Где скованы дьявол и Ангел Тоски». Реминисценции отсылают к евангельской истории о сошествии Иисуса в ад («совладелица ада», скованный дьявол) и возвещают будущее Воскресение. Клюев еще верит, что «погибла Россия» старая, но будет жить «новая Русь»: «новый Рублев»... «над Ликом возводит стоярусный круг»; «спешат Серафимы в святой Петроград»; «нас вывезет к солнцу во Славе и Духе // Наядообразный пылающий кит» [3. С. 395].

Поэт верит:

Светлячком, за годиною год
Будет теплиться Русь во мраке [3. С. 411].

Но все чаще Русь начинает восприниматься ностальгически как уходящее прошлое:

Облетают ладожские березки,
Как в былом, когда пела Русь [3. С. 385].

В поэзии Клюева 1918—1919-х годов переплетаются мотивы надежды и разочарования от того, что «революция не открыла Врат». Республика в одноименном стихотворении рисуется как страна, искаженная «железом»: «Керженец в городском обноске»; «смертельны каменные обноски / На Беле-озере, где Синеус».

В современности «развенчана Мать-Красота». Эстетический аспект материнского образа не менее важен для Клюева, чем духовный. Крестьянский канон красоты сочетает в себе исконно славянское и азиатское, восточное: «Строгановские иконы — // Самоцветный мужицкий рай»; «Есть Россия в багдадских монистах // С будуинским изломом бровей», что обуславливает появление «Русиперсиянки». Олицетворением крестьянской Руси станет образ-символ Белой Индии, идеальной страны духовного могущества и духовной культуры: «И страна моя, Белая Индия, преисполнена тайн и чудес» (1926). Он навеян фольклорными сказаниями об «Индийском царстве» и «Хождении» А. Никитина.

В стихотворении «Россия плачет пожарами» (1919), посвященном литературоведу и критику Павлу Медведеву, создается образ плачущей и смеющейся над прошлым России: «Россия плачет пожарами», «Россия смеется бурями». Прошлое осмысливается двояко — и как «черная судьба», «темницы», и как Троеручица. Настоящее связано и с Россией, и с Русью. А в будущем «воссияет, встанет, обожится // Материнская вещая тьма» [3. С. 426].

В двадцатые годы образы Руси и России постепенно получают разное смысловое наполнение. Русь соотносится с прошлым либо с теми явлениями или персонажами, которые символизируют традиционное национальное бытие и русский дух. «Отлетает лебедь-Россия», становится только «цветистой сказкой о России». «Лик Коммуны и русской судьбы» предстает как «окровавленная Россия», «обезглавленная Россия».

Образ новой России в поэме «Деревня» (1927), сохраняя женские признаки, лишается материнской суги, снижается до инфернального:

Ты Расея, Расея матка,
Чаровая, заклятая кадка!
Что там, кровь или жемчуга,
Иль лысого черта рога?
<.....>
Ты Расея, Расея теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу —
Насытишь утробу нашу! [3. С. 664, 667].

В поэме «Погорельщина» (1928) предстанет образ подменной Родины, современной обезбоженной действительности. Но в страшном лике родины поэт прозревает иное: «Святая Русь, тебе и каторжной молось!» [3. С. 685]. Царство антихриста, под властью которого находится Родина, имеет свои сроки. Душа России возносится «ко граду, чьи врата // Под знаком чаши и креста». Поэма завершается надеждой на Воскресение Святой Руси-Китежа, образом «осиянно вечного материнского лика» [3. С. 695].

Последнее известное нам стихотворение Клюева «Есть две страны. Одна — Больница» (1937) завершается признанием в любви к Руси-России: «Люблю тебя, Расея, страна грачиных озимей» [3. С. 632].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Большакова А.Ю.* Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169—177.
- [2] *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. URL: <https://www.psy.wikireading.ru/53045> (дата обращения: 12.02.2018).
- [3] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб: РХГИ, 1999. 1071 с.
- [4] *Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
- [5] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. 348 с.
- [6] *Рябов О.В.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
- [7] *Винокуров Е.М.* Бытие. М.: Советский писатель, 1982. 160 с.
- [8] *Багичева Н.В., Чикаева Т.А.* «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: архетипы родины-матери в русском менталитете // Филологический класс. Екатеринбург, 2017. № 3 (49). С. 34—39.
- [9] *Гарнин В.П.* Примечания // Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 827—987.

© Пономарева Т.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 5 мая 2018

Дата принятия к печати: 29 мая 2018

Для цитирования:

Пономарева Т.А. Архетип матери в поэзии Н.А. Клюева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 267—276. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-267-276

Сведения об авторе:

Пономарева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета. Контактная информация: e-mail: taponomareva@mail.ru

THE MOTHER ARCHETYPE IN THE POETRY OF N.A. KLYUEV

T.A. Ponomareva

Moscow State University of Education
1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

This article focuses on the mother's archetype in Klyuev's poetry. Archetypal variants of the mother's image are mother goddess, mother earth, mother Motherland, mother wise old woman, who in turn have their artistic counterparts. The archetypal image of the mother—a wise old woman appears at Klyuev after the death in 1913 of the poet's mother, when he begins to comprehend her role in his personal and creative life. In a series of “Isbania the song” the image of the mother acquires a sacred significance. She is portrayed as the guardian of the house, as a righteous woman, likened to the virgin, returns to earth as a “ethereal guest”. Another variant of the mother's image, which dates back to the mythological Mother—the Raw earth, is “Mother nature”, “mother Earth, being the cradle”.

The article also traces the development of images of Mother Russia, mother Motherland, Holy Russia, great Russia, feminized comparison: bride–Russ, Russ–beauty–girl, Russia–mother–in–law.

Key words: Archetypal image, poetry Klyuev, mother goddess, mother earth, mother Motherland, mother wise old woman, mother Russia, Holy Russia, Great Russia

REFERENCES

- [1] Bol'shakova A.Yu. Literaturnyj arhetip [Literary archetype]. *Literaturnaya uchyoba* [Literary study]. 2001. № 6. S. 169–177.
- [2] Yung Karl Gustav. Dusha i mif. Shest' arhetipov [Soul and Myth. Six archetypes]. URL: <http://www.psy.wikireading.ru/53045> (accessed: 12.02. 2018).
- [3] Klyuev N.A. Serdtse edinoroga. Stikhotvoreniya i poemy [Heart of the Unicorn. Verses and poems]. St. Petersburg: RXGI, 1999. 1071 s.
- [4] Klyuev N.A. Slovesnoe drevo. Proza [A Word Tree. Prose]. St. Petersburg: Rostoc, 2003. 688 s.
- [5] Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii [Destiny and Sins of Russia]. V 2 t. T. 2. St. Petersburg: Sofiya, 1992. 348 s.
- [6] Ryabov O.V. «Matushka-Rus'»: Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii [“Mother-Russia”. An Experience of searching analyses of Russia identity in Russian and western historiography]. M.: Ladomir, 2001. 202 s.
- [7] Vinokurov E.M. Bytie [The Being]. M.: Sovetskij pisatel', 1982. 160 s.
- [8] Bagicheva N.V., Chikaeva T.A. «Svitok, na kotorom otmecheny vse tajny bytiya»: arhetipy rodiny-materi v russkom mentalitete [Mother-Russia archetype in Russian mentality]. *Filologicheskij klass*. Ekaterinburg, 2017. № 3 (49). S. 34–39.
- [9] Garnin V.P. Primechaniya [Comments] *Klyuev N.A. Serdtse edinoroga* [Klyuev N.A. “Heart of the Unicorn”]. St. Petersburg, 1999. S. 827–987.

Article history:

Received: 5 May 2018

Revised: 15 May 2018

Accepted: 29 May 2018

For citation:

Ponomareva T.A. (2018). The mother archetype in the poetry of N. Klyuev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (3), 267—276. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-267-276

Bio Note:

Ponomareva Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature Moscow State University of Education. *Contactts*: e-mail: taponomareva@mail.ru